

**Сборник Императорского Русского
Исторического Общества**

Том 13

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С23

С23 Сборник Императорского Русского Исторического Общества: Том 13 / – М.: Книга по Требованию, 2016. – 528 с.

ISBN 978-5-519-49399-4

ISBN 978-5-519-49399-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

При окончаніи печатанія второго тома (X-го въ составѣ *Сборника*) бумагъ Императрицы Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ архивѣ, издатель, членъ Историческаго Общества, академикъ П. П. Пекарскій, къ общему прискорбію, былъ внезапно похищенъ смертію.

Съ соизволенія Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, изданіе III-го тома Екатерининскихъ бумагъ, отчасти уже приготовленнаго къ печати Пекарскимъ, было предложено мнѣ. Принявъ на себя этотъ трудъ, я не могъ не сознавать всей разности положенія, въ какомъ буду находиться сравнительно съ прежнимъ издателемъ, занимавшимъ должность дѣлопроизводителя въ Государственномъ архивѣ, стоявшимъ слѣдовательно у самаго источника предназначенныхъ къ изданію документовъ и притомъ уже прежде трудившимся надъ ихъ описаніемъ.

Какъ постороннему для Государственнаго архива лицу, мнѣ такимъ образомъ предстояли затрудненія, которыя могли быть устранены только благосклоннымъ отношеніемъ къ дѣлу его свѣтлости князя А. М. Горчакова и радушнымъ содѣйствіемъ г. директора архива К. К. Злобина. Получивъ доступъ къ бумагамъ великой Императрицы, я счелъ необходимымъ напередъ обозрѣть въ подлинникахъ всѣ какъ изданные уже, такъ и не напечатанные еще моимъ предшественникомъ документы.

При этомъ оказалось, что матеріалы, приготовленные покойнымъ Пекарскимъ для третьяго тома, требовали значительныхъ пополненій. Только по увеличеніи собранія этихъ матеріаловъ по крайней мѣрѣ вдвое, если не болѣе, можно было приступить

къ печатанію ихъ. Къ числу такихъ добавленій принадлежатъ, между прочимъ, всѣ вошедшія въ настоящій томъ французскія письма Императрицы къ г-жѣ Бьельке, къ Вольтеру, къ адмиралу Нользу, къ Гримму и др. (всѣ эти письма необходимо было напередъ перевести на русскій языкъ); далѣе письма, относящіяся къ Сумарокову; бумаги, писанныя по поводу перваго брака Великаго Князя Павла Петровича; записки къ Потемкину, наконецъ все касающееся Пугачевского бунта. Сверхъ того нашлись и такіе документы, которые, по времени своего происхожденія, должны были войти въ первые два тома изданія (VII и X въ составѣ *Сборника*), но безъ видимой причины остались не напечатанными. Они помѣщены мною въ началѣ появляющагося нынѣ тома. Пропуски эти, сдѣланные такимъ внимательнымъ и опытнымъ издателемъ, каковъ былъ Пекарскій, доказываютъ совершенную невозможность избѣжать въ подобномъ изданіи недосмотровъ этого рода. Такое неудобство по необходимости связано съ избраннымъ для изданія бумагамъ Екатерины, во многихъ отношеніяхъ конечно заслуживающимъ предпочтенія всякому другому, хронологическимъ порядкомъ. Соблюсти его во всей строгости чрезвычайно трудно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что хранящіяся въ архивѣ бумаги расположены тамъ по весьма многочисленнымъ и разнообразнымъ категоріямъ, а во-вторыхъ, что большое число документовъ не носитъ никакого обозначенія времени, и по содержанію ихъ часто невозможно даже приблизительно опредѣлить, къ какимъ годамъ они относятся.

Что касается правилъ изданія, то само собою разумѣется, что я въ точности слѣдовалъ тѣмъ, которыя были приняты для двухъ первыхъ томовъ. Они изложены въ предисловіи къ VII тому *Сборника*. Большая часть подстрочныхъ примѣчаній принадлежитъ нынѣшнему издателю; примѣчанія, найденныя въ бумагахъ, приготовленныхъ Пекарскимъ, означены начальными буквами его имени (П. П.). Наконецъ нѣкоторыя поясненія обязательно доставлены Г. Ф. Штендманомъ и отмѣчены буквою Ш. Имъ же составленъ помѣщенный въ концѣ тома алфавитный указатель.

Я. Гротъ.

ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ СОБРАНИЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

25 ноября 1873 года.

Въ концѣ минувшаго года совершилось событіе, которое не можетъ не быть отмѣчено въ актахъ Русскаго Историческаго Общества. Это было торжественное открытіе, по Высочайшей волѣ Государя Императора, памятника Екатеринѣ II. Съ событіемъ этимъ связано для Общества воспоминаніе о важномъ въ лѣтописяхъ его обстоятельстве.

Въ воскресенье, 25-го ноября, въ помѣщеніи Императорскаго Географическаго Общества, происходило подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича чрезвычайное Собраніе Русскаго Историческаго Общества.

Послѣ открытія засѣданія, въ 3 часа, секретарь Общества А. А. Половцовъ прочелъ Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ на имя Государя Великаго Князя Наслѣдника Цесаревича нижеслѣдующаго содержанія:

Ваше Императорское Высочество. Состоящее подъ предсѣдательствомъ Вашимъ Русское Историческое Общество, въ теченіе семилѣтняго существованія своего, оказало немаловажныя услуги русской исторіи разысканіемъ и обнародованіемъ многихъ важныхъ документовъ, относящихся до XVIII столѣтія.

Въ нынѣшій день, посвященный памяти Императрицы Екатерины II, мнѣ пріятно вспомнить, что труды Общества обращены были преимущественно на сохраненіе актовъ достохвальныхъ ея дѣяній, клонившихся къ благосостоянію и славѣ Россіи.

Желая явить Обществу знакъ Моего благоволенія къ трудамъ его, повелѣваю ему именоваться впредь Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«Искренно Васъ любящій АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
24-го ноября 1873 года.

По прочтеніи Высочайшаго рескрипта А. А. Половцовъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью:

Царствованіе Императрицы Екатерины II не могло не занять главнаго мѣста въ трудахъ Историческаго Общества, посвященныхъ новѣйшей нашей исторіи.

Важность политическихъ, законодательныхъ, административныхъ мѣръ, преусиленіе въ области науки, литературы, искусства, рядъ военныхъ торжествъ, постоянное возрастаніе народныхъ силъ и государственной славы Россіи—вотъ явленія, отличающія это царствованіе и обильно подтверждаемыя свидѣтельствомъ архивовъ. Иностранные источники въ этомъ отношеніи служатъ вѣщимъ подкрѣпленіемъ нашихъ отечественныхъ; вновь изданный нами томъ депешъ англійскихъ посланниковъ является новымъ тому доказательствомъ. Благодаря просвѣщенному содѣйствію англійскаго правительства и обязательному сотрудничеству лицъ, завѣдывающихъ лондонскимъ государственнымъ архивомъ, намъ сообщены были донесенія англійскихъ посланниковъ за все время царствованія Императрицы Екатерины II. Издаваемая нынѣ часть этихъ депешъ, относясь къ самому началу царствованія, выставляетъ высокія личныя свойства Государыни и даетъ намъ разгадку послѣдующихъ ея успѣховъ на пользу Россіи.

Величая сегодня память Екатерины II, мы приводимъ показанія этихъ чужеземцевъ тѣмъ охотнѣе, что, составляя свои донесенія въ тиши и тайнѣ кабинета, они конечно не ожидали, что отзывы ихъ раздадутся когда-либо среди насъ.

Для присутствованія при коронаціи Императрицы Екатерины II былъ присланъ лордъ Букингамъ. Вотъ что онъ пишетъ вскорѣ послѣ пріѣзда въ Москву: «По всѣмъ собраннымъ мною свѣдѣніямъ Императрица далеко превосходитъ всѣхъ своихъ поданныхъ по талантамъ, познаніямъ, трудолюбію». Желая достигнуть заключенія союза между Англіею и Россіею, лордъ Букингамъ напрасно искалъ самаго вліятельнаго изъ царедворцевъ; онъ не замедлилъ убѣдиться, что и этимъ дѣломъ занимается сама Императрица, считавшая необходимымъ выждать предварительно окончанія мирныхъ переговоровъ, завершившихъ Семилѣтнюю войну. Лордъ Букингамъ уѣзжаетъ, не достигнувъ указанной ему англійскимъ правительствомъ цѣли—заключенія союза. Описывая внутреннее положеніе дѣлъ покидаемой имъ Россіи, онъ приходитъ къ заключенію, что трудности этого положенія неисчислимы и непреодолимы.

На мѣсто Букингама пріѣхалъ серъ Джоржъ Макартней, прославившійся въ послѣдствіи своею административною и литературною дѣятельностью. Вступивъ въ сношенія съ Панинымъ, Макартней не замедлилъ подписать

торговый договоръ, на который королевская ратификація послѣдовала лишь послѣ продолжительныхъ объясненій и переписки. Оправдываясь во встрѣченныхъ имъ затрудненіяхъ, Макартней постоянно обвиняетъ русское правительство въ неподатливости, проистекающей отъ тѣхъ необъяснимыхъ успѣховъ, коими ознаменована была русская политика. Пруссія, говоритъ онъ, была принуждена заключить съ Россіею выгодный для послѣдней союзъ. На послѣднемъ шведскомъ сеймѣ русская партія взяла верхъ надъ французскою; Польша подчинена всецѣло; Данія вполнѣ повинуется Россіи. Такое обвиненіе едва ли не лучше самой лестной похвалы. Относительно самой Императрицы Макартней выражается такъ: «Надо признаться, что она разумѣетъ способъ управлять своими подданными. Она такъ близко знакома съ ихъ духомъ и характеромъ, такъ хорошо употребляетъ эти свѣдѣнія, что для большей части народа счастье его кажется зависящимъ отъ продолжительности ея царствованія. Удивительно, какія трудности ей пришлось преодолѣть».

Преемникомъ Макартнея былъ лордъ Каткартъ; представленіе его Государынѣ послѣдовало на торжествѣ закладки Исаакіевского собора. Передавая впечатлѣніе, произведенное на него Императрицею, онъ приводитъ стихи Виргилія, описывающаго появленіе Дидоны. «Наружность Императрицы — прибавляетъ Каткартъ — поражаетъ невыразимымъ, неизмѣримымъ достоинствомъ; она привѣтлива, спокойна, милостива и внимательна ко всякому».

Разговаривая съ Каткартомъ, Императрица поразила его разнообразіемъ своихъ свѣдѣній и мѣткостью своихъ вопросовъ; дивясь неутомимой ея дѣятельности, посолъ сообщаетъ, что Императрица ежедневно ранѣе пяти часовъ начинаетъ заниматься дѣлами. «Болѣе чѣмъ кто-либо въ цѣломъ свѣтѣ, прибавляетъ Каткартъ, она способна вести такую сложную машину».

Рядомъ съ столь драгоценными по безкорыстію своему хваленіями Государынѣ, англійскіе посланники не перестаютъ упоминать о графѣ Н. И. Панинѣ. Оцѣнка этого сподвижника Императрицы Екатерины II, среди самыхъ затруднительныхъ событій ея царствованія, характеризуетъ столько же министра, сколько избравшую его Монархиню, и потому не будетъ здѣсь неумѣстна. По словамъ англійскихъ дипломатовъ, Панинъ отличался своею прямою и твердостью; мысли свои выражаетъ ясно, опредѣленно; эти мысли не прикрываютъ какихъ-либо себялюбивыхъ происковъ, не суть произведенія случайнаго впечатлѣнія или желанія блеснуть, понравиться; онѣ составляютъ части одного цѣлаго, построеннаго просвѣщеннымъ трудолюбіемъ, дѣловою жизнью. Свои убѣжденія онъ высказываетъ Императрицѣ не обинуясь и, какъ упоминаетъ однажды

Макартней, цѣлый часъ отстаиваетъ свой взглядъ, нераздѣляемый Государынею. Онъ не принадлежалъ къ числу лицъ, опасавшихся для себя обезпокоить или огорчить Государыню; въ дѣловыхъ сношеніяхъ Панинъ не прикрывается таинственнымъ молчаніемъ, плохо скрывающимъ бездарность, онъ всегда готовъ говорить о дѣлѣ, не тяготится имъ, не смотря на множество порученныхъ ему обязанностей; онъ любитъ дѣла, потому что любитъ свое отечество. «Невозможно обращать все свое попеченіе на собственныя наши выгоды или непріятности, когда благо отечества требуетъ всего нашего усиливанія къ его огражденію» — пишетъ онъ въ интимномъ письмѣ князю Репнину *) во время турецкой кампаніи, и въ его устахъ то была не фраза, а искренно выражавшееся чувство. Таковъ былъ чело-вѣкъ, которому Императрица уже въ 1763 году ввѣрила тяжелыя заботы о сношеніяхъ Россіи съ другими державами; послѣдствія не замедлили оправдать этотъ выборъ. Шаткость и переѣнчивость, незадолго предъ тѣмъ отличавшія нашу политику, уступили мѣсто твердо опредѣленному образу дѣйствій; по словамъ самихъ англійскихъ посланниковъ, въ три-четыре года положеніе Россіи совершенно измѣнилось. Пруссія дѣлается вѣрною и полезною союзницею, Австрія равнымъ образомъ подчиняется превосходству политики Россіи. Франція, несмотря на свою враждебность, принуждена признать Императорскій титулъ русскихъ Государей. Англія заключаетъ торговый договоръ и ведетъ постоянные переговоры о союзѣ болѣе тѣсномъ, Данія поддерживаетъ наши виды, Швеція перестаетъ быть угрозою. Все это дѣлаетъ менѣе опаснымъ нарушеніе спокойствія со стороны Польши и Турціи, откуда Панинъ ожидаетъ трудностей. Но и здѣсь уже готовятся выступить подъ сѣнію Екатерины имена Суворова, Румянцова, Репнина и другихъ.

Лордъ Каткартъ и его преемники въ послѣдующихъ депешахъ выставятъ рядъ именъ, памятныхъ русскому сердцу; покажѣтъ ихъ донесенія наполнены именами Великой Государыни, и, осуждая весьма многое, многихъ выставляя въ далеко непривлекательномъ свѣтѣ, авторы этихъ депешъ почти всегда лестно отзываются о Панинѣ и благоговѣютъ предъ дарованіемъ, характеромъ, неутомимостью Императрицы. Такое свидѣтельство постороннихъ иноземныхъ очевидцевъ несомнѣнно заслуживаетъ вниманіе современнаго русскаго общества, вниманіе того потомства, на пользу коего трудилась Екатерина II.

Послѣ секретаря Общества, членъ Совѣта, ординарный академикъ А. Ф. Бычковъ говорилъ рѣчь такого содержанія:

*) См. томъ V, стр. 139, *Сборника Русскаго Историческаго Общества*.

Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, касающихся русской исторіи, Императрица Екатерина II сказала, что она не любитъ ни памятниковъ, сооружаемыхъ въ честь живыхъ государей, ни тѣхъ исторій, которыя пишутся при ихъ жизни. И то и другое, говорила она, дѣло потомства, болѣе строгаго и въ то же время всегда болѣе снисходительнаго, чѣмъ современники, потомства нелицепріятнаго, безпристрастнаго, правдиваго, какъ сама исторія, которая отводитъ мѣсто на своихъ страницахъ только тѣмъ историческимъ дѣятелямъ и упоминаетъ только о тѣхъ событіяхъ, которые содѣйствовали или ходу развитія человѣчества вообще, или отдѣльнаго народа въ частности.

Потомство, о которомъ упоминала великая, уже для нея наступило, и гораздо скорѣе, чѣмъ для многихъ другихъ историческихъ лицъ.

Едва миновало три четверти вѣка съ ея кончины, а благодарная Россія уже поспѣшаетъ воздвигнутымъ нынѣ ей памятникомъ свидѣтельствовать передъ цѣлымъ свѣтомъ и отдаленными вѣками, что не безплодно прошло для нея тридцати-четырехъ-лѣтнее царствованіе Монархини, и что оно внесло въ государственный организмъ тѣ многія живыя начала, развитіе которыхъ совершилось и совершается на нашихъ глазахъ и еще будетъ совершаться долго.

Правильная и точная оцѣнка историческихъ лицъ возможна только при обиліи источниковъ, при доступности ими пользоваться, при раскрытіи всѣхъ данныхъ, будутъ ли они говорить въ пользу или противъ историческихъ дѣятелей. Чѣмъ болѣе документовъ, и притомъ излагающихъ событія съ самыхъ противоположныхъ точекъ зрѣнія, тѣмъ вѣрнѣе устанавливается взглядъ на дѣятельность и значеніе историческихъ лицъ, а вмѣстѣ съ этимъ и на ту эпоху, въ которую они дѣйствовали. Историческія лица не боятся ни грязи, ни клеветъ, бросаемыхъ иногда въ нихъ современниками. Все это перегорааетъ въ историческомъ горнилѣ, и изъ него чище и блистательнѣе являются эти лица передъ потомствомъ. Для Екатерининской эпохи у насъ до сихъ поръ было сдѣлано слишкомъ мало, почти ничего. Кромѣ десяти томовъ полнаго собранія законовъ, гдѣ такъ блистательно проявляется законодательная мудрость Государыни и практическая опытность ея даровитыхъ сановниковъ и совѣтниковъ, почти безъ исключенія людей мысли и дѣла, мы, до изданія, предпринятаго по волѣ Августѣйшаго Предсѣдателя нашего Общества, не можемъ указать ни на одинъ трудъ, который былъ бы замѣчателенъ въ какомъ-либо отношеніи и удовлетворялъ бы самымъ невзыскательнымъ требованіямъ изслѣдователя. А между тѣмъ все болѣе и болѣе чувствуется потребность въ рядѣ изданій, которыя пролили бы свѣтъ на такъ-называемую Екатерининскую эпоху, незабвен-

ную какъ въ политической жизни русскаго народа, такъ и въ лѣтописяхъ русской литературы и науки, на эпоху, присвоившую себѣ имя Монархини, которая, полюбивъ всѣмъ сердцемъ вторую свою родину, изучила ея языкъ, быть ея народа и его исторію. Для послѣдней Императрица Екатерина II сдѣлала такъ много, потрудились сама такъ не мало, что я позволяю себѣ остановить ваше благосклонное вниманіе на краткомъ очеркѣ ея заслугъ въ русской исторіографіи. Наука русской исторіи начинается съ Екатерины II. Въ этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго преувеличенія. Если припомнимъ, что было сдѣлано до нея и въ какомъ видѣ русская исторія перешла въ руки Карамзина, то мои слова являются неопровержимой истиною. Въ ея царствованіе были впервые напечатаны многія наши лѣтописи, давшія возможность Шлецеру заняться своимъ капитальнымъ трудомъ; при ея покровительствѣ и одобреніи князь Щербатовъ приступилъ къ сочиненію полной исторіи Россіи, доведенной имъ до призванія на престолъ Михаила Федоровича и до сихъ поръ не потерявшей значенія по обширнымъ къ ней приложеніямъ; по ея приказанію увидѣла свѣтъ и Исторія Россійская Татищева, который по вольному образу мыслей навлекъ на себя и на свой трудъ подозрѣніе не только въ духовномъ, но и въ политическомъ вольнодумствѣ; при ея непосредственномъ участіи начатъ былъ Новиковымъ «Повѣствователь Древностей Россійскихъ», перешедшій потомъ въ «Древнюю Россійскую Библіотеку», на страницахъ которой были помѣщены самые важные государственные и историко-юридическіе акты, при чтеніи которыхъ издатель надѣялся, что съ благосклоннымъ любителемъ Россійскихъ древностей «не сдѣлается апоплексія, ниже частыхъ и жестокихъ обмороковъ, что онъ не почувствуетъ худого запаха и гнили, и пыль, покрывающая древности, его не задушить».

Мы знаемъ также, что, по выраженному ею желанію, Стриттеръ приступилъ къ извлеченію изъ византійскихъ историковъ всего, что относится до Славянъ и до Россіи. Ей же мы отчасти обязаны замѣчательными трудами Болтина, первыми явившимися у насъ по исторической критикѣ, въ которой она сама показала примѣръ, написавъ замѣчанія на Россійскую исторію, сочиненную Стриттеромъ, и Антидотъ или разборъ дурно, но великолѣпно напечатанной книги подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Сибирь господина аббата Шаппъ д'Отероша», составляющій объемистый томъ и представляющій энергическую, правдивую и задушевно написанную оборону русскаго народа отъ преднамѣренныхъ клеветъ иностранца. Припомнимъ еще, что Императрица Екатерина, вслѣдствіе глубокаго уваженія, питаемаго къ Петру Великому, повелѣла князю Щербатову разобрать кабинетный архивъ нашего Великаго Преобразователя и

такимъ образомъ содѣйствовала сохраненію очень важныхъ документовъ, которые иначе, безъ всякаго сомнѣнія, давнымъ-давно затерялись бы; что она своимъ покровительствомъ и повелѣніемъ открыть доступъ въ правительственные архивы содѣйствовала Голикову къ составленію 30 томовъ «Дѣяній Петра Великаго» и Дополненій къ нимъ, которыя до сихъ поръ составляютъ самый богатый матеріалъ для занимающихся изученіемъ того времени, когда Россія непоколебимою волею Монарха и силою сложившихся политическихъ обстоятельствъ заняла почетное мѣсто среди европейскихъ державъ. Наконецъ, сколько разнаго рода историческихъ работъ она поручала какъ русскимъ, такъ и заграничнымъ ученымъ, стараясь такимъ образомъ ознакомить своихъ подданныхъ съ исторіею ихъ родины; сколько разнаго рода недоумѣній, вопросовъ, свидѣтельствующихъ о постоянныхъ ея занятіяхъ отечественною исторіею, разбросано въ ея письмахъ и запискахъ къ разнымъ лицамъ. Такъ, напримѣръ, Миллеръ, едва не пострадавшій за свою рѣчь о началѣ народа и имени русскаго, по ея приказанію занимался составленіемъ дипломатическаго собранія для трактатовъ между Россіею и разными европейскими державами. Такъ Сенакъ де-Мельянъ (Sénac de Meilhan) былъ вызванъ ею въ Россію для составленія русской исторіи, и хотя онъ ея не написалъ, тѣмъ не менѣе она не только дала ему наставленіе какъ долженъ онъ приняться за дѣло, но и неоднократно сообщала ему свои замѣчанія о различныхъ фактахъ русской исторіи. Такъ она приказала сообщать Вольтеру всѣ нужные ему матеріалы для исторіи Петра Великаго, которая, къ сожалѣнію, вышла изъ подъ пера фернейскаго мудреца произведеніемъ далеко ниже посредственнаго. Такъ, по ея желанію, Синодъ предписалъ епархіальнымъ архіереямъ составить и прислать списки всѣхъ бывшихъ въ каждой епархіи архіереевъ и описаніе находящихся въ ней монастырей, тѣмъ воспользовался впослѣдствіи составитель «Исторіи Россійской іерархіи».

Почетное мѣсто занимаетъ и сама Императрица Екатерина II въ ряду русскихъ историковъ. Занятія исторіею страны, которой слава, какъ она говорила, составляла и ея славу, начались еще до вступленія ея на престолъ. Будучи Великою Княгинею, Императрица Екатерина II ежедневно посвящала по нѣскольку часовъ на историческія занятія, рылась въ книгахъ своей отборной библіотеки, дѣлала замѣтки, выписки. «Не зная прошлаго народа, можно ли принимать какія-либо мѣры для него въ настоящемъ и будущемъ», не разъ повторяла она и, руководясь этою мыслію, нерѣдко обращалась къ своимъ замѣткамъ, а въ 1783 г. приказала, подъ наблюденіемъ Шувалова, профессорамъ Московскаго университета Барсову и Чеботареву дѣлать для нея сводныя выписки изъ всѣхъ русскихъ лѣтописей,

какія только можно было отыскать въ Синодальной и Патріаршей бібліотекахъ и въ Московскомъ Государственномъ архивѣ. Всѣ эти матеріалы, которые доставлялись къ ней почти до самой ея кончины, равно какъ списки съ разныхъ лѣтописей и историческія сказанія, какъ напримѣръ сочиненія Курбскаго, были ею прочтены, на все замѣчательное въ нихъ она обратила вниманіе, чему могутъ служить доказательствомъ многія замѣтки, находящіяся на поляхъ рукописей, поступившихъ изъ Эрмитажной бібліотеки въ Императорскую Публичную. Присланныя изъ Москвы выписки послужили Монархинѣ главнымъ матеріаломъ, которымъ она пользовалась при составленіи ею «Записокъ касательно русской исторіи», появившихся сначала въ «Собесѣдникѣ», а потомъ вышедшихъ особымъ изданіемъ. Обнародованіе ихъ въ свѣтъ Императрица объясняетъ съ одной стороны тѣмъ, что всякому народу знаніе своей собственной исторіи и географіи нужнѣе, нежели постороннихъ, а съ другой, что «онѣ сочинены для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ исторіи Россійской, кои скорѣе именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служить, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не токмо представлено, но къ онымъ не стыдились прибавить злобные толки». Въ этихъ словахъ видно, до какой степени Императрица заботливо стояла на стражѣ, оберегая честь Россіи даже и въ области науки. «Собиратель сихъ записокъ касательно Россійской исторіи — продолжаетъ державная писательница — не въ числѣ змѣй, вскормленныхъ за пазухой, онъ вѣкъ свой тщился выполнить долгъ благодарнаго сердца!» Этотъ трудъ, для котораго Императрица, чтобы объяснить себѣ темныя мѣста лѣтописей, обращалась сначала къ Болтину, а потомъ, послѣ его смерти, къ Мусину-Пушкину и митрополиту Платону, доведенъ до 1276 года и представляетъ въ древней исторіи Россіи много интересныхъ домысловъ и догадокъ, которые въ настоящее время стремятся получить нѣкоторое право гражданства въ наукѣ, разумѣется будучи обставлены болѣе серьезными изысканіями и учеными доказательствами.

Такимъ образомъ Императрица Екатерина II является средоточіемъ, изъ котораго исходитъ все совершенное во второй половинѣ XVIII столѣтія въ области русской исторической науки, сдѣлавшей, благодаря ея покровительству, вниманію и ободренію, замѣчательные успѣхи не только между записными учеными, но и въ средѣ полуобразованной, вдали отъ центровъ умственного движенія. Такъ въ Архангельскѣ, въ началѣ ея царствованія, возникло Общество съ цѣлью собирать древніе рукописи, акты и лѣтописи и отсылать все это для напечатанія въ Академію наукъ. Но это Общество,